

УДК 340, 347

**Имплементация положений международных актов (договоров, соглашений)
в законодательство РФ в области семейно-правовых отношений****Довгань К.Е.**

Кандидат юридических наук,
доцент Юридического института
Алтайского государственного университета (Барнаул)

Коваленко Н.Е.

Магистрант Юридического института
Алтайского государственного университета (Барнаул)

Реммих Е.А.

Магистрант Юридического института
Алтайского государственного университета (Барнаул)

Угрюмов Р.Ш.

Магистрант Юридического института
Алтайского государственного университета (Барнаул)

В статье рассматриваются вопросы имплементации норм международных актов в законодательство Российской Федерации при регулировании международных брачно-семейных отношений. К особенностям исследуемых правоотношений относится факт внедрения публичных наднациональных норм в частно-правовую отрасль национального права.

Ключевые слова: имплементация, международное частное право, национальное право, законодательство

Семейное право традиционно рассматривается правоведами в качестве частно-правовой отрасли права. Однако интерес вызывает внедрение публичных наднациональных норм в частно-правовую отрасль права – семейное право, а именно в семейно-правовые отношения, которые регулируются семейным правом.

Вообще, семейное право в странах мира – это та отрасль права, которая наименее подвержена международной унификации, так как в ней отражаются национальные особенности и традиции в семейных отношениях, которые распространены на территории того или иного государства.

На сегодняшний день брачные отношения – отношения, которые максимально подвержены национальному регулированию, нежели регулированию международному. Наиболее ярко особенности каждого государства в регулировании семейно-правовых отношений можно проследить через закрепление в национальном законодательстве форм и условий вступления в брачные отношения, ограничений вступления в брак, правового положения супругов и многих других аспектов.

Несмотря на национальные особенности семейных отношений, в мировой практике предпри-

нимались попытки установить наднациональное регулирование семейно-правовых отношений. Ю.А. Тихомиров определяет процесс установления (внедрения) норм международных актов в национальном праве как имплементация [1]. Согласно «Современному толковому словарю», термин «имплементация» (от лат. *impleo* – наполняю, исполняю) означает процесс реализации и применения международных норм, исходя из положений национального законодательства [2].

Различные аспекты имплементации международного законодательства в российскую правовую систему рассматривали такие ученые, как М.А. Байдарова [3], А.Г. Брагин, А.Н. Матирная [4], В.В. Гриб [5], Н.Ю. Ерпылева [6], Е.В. Лебедева [7], О.Ю. Малкин [8], Ю.Л. Медведев, М.Н. Дёмкина [9], Ю.Д. Рычкова, А.В. Колосов [10], Д.А. Седых [11], Н.А. Соснов [12], Т.А. Спиркина [13] и другие.

В качестве примеров универсальных международных договоров, где встречаются различные аспекты имплементации в российское право, можно привести Гаагскую конвенцию о признании разводов и решений о раздельном жительстве супругов 1970 г. [14], Конвенцию о содействии заключению браков за рубежом (Париж, 10 сентября 1964 г.) [15], Конвенцию о заключении и признании действительности браков (Гаага, 14 марта 1978 г.) [16] и другие конвенции. Проблемой этих договоров является малое число стран-участниц. Также примечательно, что ни в одной из перечисленных конвенций Российская Федерация не участвует.

Даже при сложившейся ситуации нельзя отрицать тот факт, что участие Российской Федерации в международных договорах, содержащих коллизионные и материальные нормы, так или иначе обуславливает имплементацию международных норм в российское семейно-правовое законодательство. Сказанное выше можно проиллюстрировать примерами.

Основным универсальным международным договором, представляющим интерес в этой области на постсоветском пространстве, является Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.) [17]. Помимо РФ, в этой конвенции участвует еще 11 государств.

Если обратиться к тем коллизионным нормам, которые касаются семейно-правовых отношений, то можно выявить сходства в правовом регулировании определенных вопросов. Так, например, выбор применимого права в соответствии со ст. 26 Минской конвенции осуществляется следующим образом: «Условия заключения брака определяются для каждого из будущих супругов законодательством Договаривающейся Стороны, гражданином которой он является, а для лиц без гражданства – законодательством Договаривающейся Стороны, являющейся их

постоянным местом жительства. Кроме того, в отношении препятствий к заключению брака должны быть соблюдены требования законодательства Договаривающейся Стороны, на территории которой заключается брак» [17]. Точно такое же коллизионное регулирование осуществляется в соответствии с ч.ч. 2 и 4 ст.156 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), в соответствии с которыми «условия заключения брака на территории Российской Федерации определяются для каждого из лиц, вступающих в брак, законодательством государства, гражданином которого лицо является в момент заключения брака, с соблюдением требований ст. 14 настоящего Кодекса в отношении обстоятельств, препятствующих заключению брака» [18]. «Условия заключения брака лицом без гражданства на территории Российской Федерации определяются законодательством государства, в котором это лицо имеет постоянное место жительства» [18].

Таким образом, мы видим основные дублирующиеся коллизионные правила, в отношении условий заключения брака для лиц с гражданством – **закон гражданства супруга**, в отношении лица без гражданства условия заключения определяются по **закону постоянного места жительства**.

Другой пример связан с личными неимущественными и имущественными отношениями супругов. В соответствии с ч.ч. 1 и 3 ст.27 Минской Конвенции, «личные неимущественные и имущественные» права «супругов определяются по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой они имеют совместное место жительства», при отсутствии совместного места жительства «их личные и имущественные правоотношения определяются по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой они имели свое последнее совместное место жительства» [17]. Ровно такие же правила содержатся в ч. 1 ст. 161 СК РФ, в соответствии с которой «личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства, а при отсутствии совместного места жительства законодательством государства, на территории которого они имели последнее совместное место жительства» [18].

В данном случае мы также наблюдаем основные дублирующиеся коллизионные привязки: **закон места совместного жительства либо закон места последнего совместного жительства**.

Еще один пример связан с вопросом установления и оспаривания отцовства (материнства). Как в ст. 31, так и в ч. 1 ст. 162 СК РФ указана основная коллизионная привязка – **закон гражданства ребенка по рождению** [18]. Если ранее, в соответствии с ч. 1 ст. 162 Кодекса о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г., в редакции от 26.12.1996 г., ре-

гулирование подобного вопроса осуществлялось независимо от гражданства ребенка по советскому законодательству [19], то теперь регулирование осуществляется на основе имплементированных коллизионных норм.

Исходя из того, что Российская Федерация ратифицировала Минскую Конвенцию Федеральным законом от 4 августа 1994 г. № 16-ФЗ, а Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 10 декабря 1994 г., полномасштабные изменения в семейном законодательстве произошли в ходе имплементации норм международного договора во вновь принятом Семейном кодексе РФ.

Точно такая же тенденция имплементации международных норм прослеживается и в отношении материальных норм. Проиллюстрируем несколькими примерами.

Одним из важнейших международных договоров в области семейного права является Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) [20]. Имплементация норм выражается в следующем: положения ст. 1 Конвенции дублируются в ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 124-ФЗ) и в ч. 1 ст. 54 СК РФ, в соответствии с которыми «ребенок – лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия)» [21], ч. 2 ст. 6 и ст. 24 Конвенции, где речь идет о здоровом развитии ребенка и его праве пользоваться учреждениями здравоохранения [20] имплементировано в ст. 10 ФЗ № 124-ФЗ, в которой установлено право ребенка на обеспечение прав детей на охрану здоровья и так далее.

Другой пример связан с установлением равенства в семейных отношениях между мужчиной и женщиной. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 16 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г.), женщина выступает наравне с мужчиной «во всех вопросах, касающихся брака и семейных отношений» [22], имплементация этих норм в российское семейное законодательство обусловило включение в СК РФ ст.ст. 1, 31, 61, согласно которым мужчина и женщина абсолютно равны как в правах на вступление и расторжение брака, так и в правах на воспитание ребенка [18].

Существует множество других примеров, однако всех их объединяет общая черта, ратификация международных договоров РФ в целом и международных договоров в области семейных отношений подразумевает имплементацию норм в национальное семейное законодательство.

В итоге можно сказать, что даже при наличии определенных национальных особенностей в семейно-правовых отношениях, некоторые нормы внутригосударственного законодательства изменяются под давлением наднациональных предпи-

саний, это вызвано стремлением государств быть активным участником международных отношений, что оказывает свое влияние на действующее законодательство.

Литература:

1. Тихомиров Ю.А. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. – 2006. – № 6 (114). – С. 3-15.
2. Современный толковый словарь. – URL: <https://slovar.cc/rus/bse/492245.html> (дата обращения: 04.05.2021).
3. Байдарова М.А. Имплементация исключений в принципы законодательства: технико-юридический аспект // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 551-552.
4. Брагин А.Г., Матирная А.Н. К вопросу о причинах возникновения коллизий при регулировании брачно-семейных отношений в международном частном праве // Эпомен. – 2020. – № 48. – С. 86-92.
5. Гриб В.В. Правовые основы правозащитной деятельности на международном и федеральном уровне // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 1 (41). – С. 48-57.
6. Ерпылева Н.Ю. Статус физических лиц как субъектов международного семейного права // Законодательство и экономика. – 2010. – № 4. – С. 55-66.
7. Лебедева Е.В. Коллизионное регулирование брачных и семейных отношений в международном частном праве // Международные отношения: история, теория, практика. Материалы V научно-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений БГУ. – Минск: БГУ, 2015. – С. 88-91.
8. Малкин О.Ю. Коллизионное регулирование семейных отношений. – М.: Изд-во Современного гуманитарного университета, 2009. 123 с.
9. Медведев Ю.Л., Дёмкина М.Н. Имплементация норм международного права в национальное право государств: содержание и способы реализации // Проблемы права: теория и практика. – 2019. – № 46. – С. 179-190.

10. Рычкова Ю.Д., Колосов А.В. Семейный кодекс как источник международного частного права // Вестник Иркутского университета. – 2020. – № 23. – С. 296-298.
11. Седых Д.А. Проблемы имплементации норм конвенции об уголовной ответственности за коррупцию // Законность. – 2019. – № 1 (1011). – С. 45-48.
12. Соснов Н.А. Имплементация норм международного права в российскую правовую систему на основе различных способов имплементации // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 13. – С. 13-19.
13. Спиркина Т.А. Техника имплементации норм и принципов международного права в законодательство Российской Федерации как инструмент глобализации // Контентус. – 2019. – № 8 (85). – С. 21-30.
14. Гаагская конвенция о признании разводов и решений о раздельном жительстве супругов 1970 г. // СПС Консультант Плюс.
15. Конвенция о содействии заключению браков за рубежом (Париж, 10 сентября 1964 г.) // СПС Консультант Плюс.
16. Конвенция о заключении и признании действительности браков (Гаага, 14 марта 1978 г.) // СПС Консультант Плюс.
17. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.) // СЗ РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1472.
18. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
19. Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1969. – № 32. – Ст. 1086.
20. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС Консультант Плюс.
21. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3802.
22. Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г.) // СПС Консультант Плюс.

Implementation of the Provisions of International Acts (Treaties, Agreements) Into the Legislation of the Russian Federation in the Field of Family Legal Relations

*Dovgan K.E., Kovalenko N.E., Remmikh E.A., Ugryumov R.S.
Altai State University*

The article examines the issues of the implementation of the norms of international acts in the legislation of the Russian Federation in the regulation of international marriage and family relations. The peculiarities of the investigated legal relations include the fact of the introduction of public supranational norms into the private legal branch of national law.

Key words: implementation, private international law, national law, legislation

